

ИСТОРИЯ

УДК 930.26(470)

Кабатов Сергей Александрович

кандидат исторических наук
Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
kabatov74@mail.ru

СЕМАНТИКА ЗООМОРФНЫХ УКРАШЕНИЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Цель исследования – определение функциональной нагрузки и содержания зооморфных украшений сельского населения Костромского Поволжья (культура Костромских курганов). При этом, к сожалению, основная база источников (археологические памятники – курганные захоронения) по данному направлению в последние десятилетия под воздействием мощного антропогенного фактора и исчезновения носителей духовной культуры безвозвратно уничтожается.

Ключевые слова: семантика, культ коня, культ птицы, смысловая нагрузка.

Связи зооморфных украшений с определенными идеологическими представлениями средневекового, в нашем случае – субстратного (возможно – дериват), сельского населения Костромского Поволжья и населения Руси в целом несомненны.

Почитание животных – весьма распространенное явление многих религий. Время распространения зооморфных украшений на территории Руси и за ее пределами укладывается в хронологические рамки X–XIV вв., то есть дозолотоордынский период и начальный этап золотоордынского времени. В период последнего данные амулеты исчезают. Поэтому, чтобы раскрыть семантику исследуемых древностей, необходимо переместить центр внимания в домонгольскую Русь и, местами, много раньше.

Зооморфные украшения представлены многочисленными сериями и индивидуальными отливками, свидетельствующими о многообразии воспроизведенных в них существ животного мира [8, с. 39–52]. Среди них можно сразу же выделить фигурки коней, птиц (гусь, утка, селезень, курочка), собак, баранов, рыб и оленей. В целом, это те животные, которые украшали средневековых обитателей Восточной Европы, особенно – сельское население. И, вместе с тем, зооморфные подвески вряд ли можно считать простыми слепками окружающей действительности. Из 109 учтенных находок с территории Костромского Поволжья XII–XIV вв. [8, с. 48, рис. 8.9] лишь одна подвеска изображает барана. Однако из всего длинного списка животных, воспроизведенных в украшениях, лишь конь и птица (преимущественно водолавающая) оказались объектом, который повторялся более чем в тысяче подвесок северорусских типов, распространенных на территории от Прибалтики до Урала. Костромские древности, в результате сравнительного анализа всех находок, найденных на интересующей нас территории и относящихся к XII–XIV вв., дали следующую картину:

1) «коньки-птиццы» (или «барашки») – 55 экз. (51,4%);

2) коньки – 25 экз. (23,4%);

3) птицевидные подвески, по всей вероятности стилизованные уточки, – 24 экз. (22,4%);

4) петух (возможно – курица) – 3 экз. (2,8%) [8, с. 39–52].

Здесь, как и на территории Северо-Восточной Руси, налицо количественное преобладание двух видов изображений – коня и птицы (тоже водолавающей). Объяснение этого факта следует искать в системе древних языческих верований местного населения. Исходя из того, что интересующие нас древности происходят из области славяно-чудского расселения, правильнее будет начать наш обзор с рассмотрения культового значения коня и птицы в системе верований финно-угорских народов.

Письменные источники свидетельствуют о длительном существовании языческих обрядов у финно-угров. Лишь в сравнительно поздний период развернулась христианизация иноязычного населения Северной Руси [7, с. 319], которое, по заключению Н.М. Гальского, «еще долгое время оставалось христианами лишь по имени». Послания митрополита Симона в Пермь (1501 г.), архиепископов Макария (1534 г.) и Феодосия (1548 г.) в Водскую пятину наполнены обличиями непрекращающихся языческих молений и ритуальных обрядов среди местной «чуди» [1, с. 129].

Для раннего периода финно-угорского населения человекообразное представление о богах не характерно. «Божества являлись их воображению еще в виде не ясных стихийных образов, или недодушевленных предметов и животных» [5, с. 156]. Об этом свидетельствует и описание священных рощ, увешанных шкурами жертвенных животных в древней Перми, и данные о чуди Новгородской земли, которая «всей твари поклонялся, яко богу, и чтяху, и жертву приношаху кровную бесам...» [11, с. 73].

Особая роль в финно-угорской мифологии принадлежала птице и коню. Древние карелы считали утку прародительницей всего сущего на земле, отводили ей роль творца природы. Из яйца утки, по «Калевале», возник мир. Священными птицами

у карелов считались также гусь и лебедь. Сходные по смыслу верования бытовали в удмуртской мифологии, у мордвы, марийцев, хантов (остатов). Обзор материалов этнографии и фольклора позволяет установить широкое распространение верований, связанных со священной ролью водоплавающей птицы, на всей территории расселения финно-угров. Налицо отчетливо выраженное космогоническое значение этой птицы, выступающей в качестве творца мироздания. Нет ни малейшего сомнения, что данные этнографии, характеризующие подобные моменты [4, с. 112; 16, с. 264] в XVIII – начале XX вв., могут быть прямо связаны с более ранним периодом – с эпохой бытования на исследуемой территории зооморфных изображений. Истоки культа водоплавающей птицы в лесной полосе Восточной Европы и Западной Сибири уходят в глубокую древность: об этом свидетельствуют наскальные рисунки, скульптурные фигурки птиц из кости, камня, дерева и глины, изображения «уточек» на керамике эпохи неолита и бронзы.

Оформление культа коня в финно-угорской среде относится к более позднему периоду, но в эпоху бытования зооморфных амулетов в северорусских землях он уже находился в полном расцвете. Система верований, связанных с культовой ролью коня, отразила усиление значения коневодства в хозяйстве некоторых финно-угорских племен. Кроме того, здесь мы имеем дело и с доминирующей ролью коня в сельском хозяйстве как в золотоордынское, так и в более раннее время. Конь являл основу жизнедеятельности Костромского Поволжья, главное место в котором занимало земледелие, в первую очередь – хлебопашество. Об этом свидетельствуют и письменные источники [3, с. 23–50]. По наблюдениям М.Г. Худякова, роль коня в космогонических представлениях народов Прикамья прослеживается с ананьинской эпохи [17, с. 251–254]. Подобной точки зрения придерживается и А.П. Смирнов. Однако он считает, что изображение коня восходит в своей основе к более ранним тотемическим представлениям, являющимся в ананьинскую эпоху уже пережитком [17, с. 269]. Во всяком случае, в ананьинское время появляются литые фигурки коней, служившие амулетами-оберегами [2, с. 80].

Культовое почитание коня у восточно-финских народов широко проявилось в аграрной магии, при жертвоприношениях и молениях. В удмуртской и марийской мифологии прослеживается образ крылатой «лучезарной» лошади, связанной с культом Солнца. Космогоническое значение коня у удмуртов получило отражение в культовой езде на конях по кругу, олицетворявшей движение Солнца в виде бога солнечного коня; у марийцев – в обряде жертвоприношения «солнечных» жеребят.

Таким образом, конь для многих чудских народов является священным животным, связанным

по своей семантике с Солнцем. В этом заключается его близость с культовыми водоплавающими птицами – творцами Солнца.

Материалы этнографии и фольклора свидетельствуют о наличии определенных культов почитания животных и в славянской среде – у населения, обитавшего по соседству, а часто и чересполосно, с финно-угорскими племенами. Православно-языческий комплекс, исторически сложившийся в быту русского народа в процессе христианизации Руси, представляет собой сложный, запутанный клубок верований, обычаев, суеверий, религиозно-мистических обрядов, языческого происхождения, слившихся с элементами православия [13, с. 56].

Сравнительный анализ верований восточнославянских народов показывает, что в народных поверьях о животных ведущее место занимают домашние животные, в первую очередь – конь. Лошадь в хозяйстве земледельца России была незаменимой – главной производительной силой. Это обусловило почитание ее как животного, оказавшего сверхъестественное влияние на плодородие полей. С древнейших времен конь был введен в славянскую аграрно-магическую обрядность.

Глубокие истоки культов, связанных с конем, в славянской среде раскрываются в археологических и этнографических материалах. На старинных русских вышивках встречаются изображения богини в окружении коней и всадников. Конь был неотъемлемым атрибутом Великой сельской богини, поклонение которой относится к древнейшим пластам славянских верований.

Конь являлся распространенным символом добра, благоденствия и счастья. Он наделялся магическими, оберегающими от несчастий свойствами. В преданиях русского народа конь выступает защитником от нечистой силы.

Конь в древности символизировал Солнце. Образ коня-Солнца встречается в резьбе, на вышивке и в более позднее время. Вместе с тем конь символизировал и воду. В языческую эпоху коня приносили в жертву водяному божееству, его изображения охраняли посуду для воды (ковши). Б.А. Рыбаков полагает, что такая двойственная природа коня объясняется древними представлениями о пути Солнца. Утром, на заре, Солнце выезжает в колеснице, влекомой чудесными златогривыми конями; вечером Солнце продолжает свой путь под землей, по воде. Здесь коня сменяют «гуси-лебеди», воздушные солнечную колесницу (или ладью) к востоку [12, с. 63–64].

В связи с этим интересен факт распространения в Костромском Поволжье самой многочисленной серии зооморфных украшений – полей «коньков-птиц» («барашков») [8, с. 47–50].

Из птиц у славян наиболее почитаемым являлся петух. По заключению А.И. Савельева, петух в древности представлял «зооморфический» образ

Перуна-громовика, который своим громозвучным пением (громом) вещал о победе над демоническими силами [9, с. 52–76]. Взгляд на петуха, как на вестника света, прогоняющего нечистую силу, свойственен едва ли не всем народам, знакомым с этой птицей.

Таким образом, важная культовая роль коня и птицы прослеживается у всех этнических объединений, занимавших в эпоху средневековья Север Восточной Европы и прилегающие территории. Наиболее близкими у славян и финно-угров оказываются верования, связанные с конем (соляренный культ). Характерной особенностью финно-угорских представлений является чрезвычайно развитое почитание водоплавающей птицы, имеющее ярко выраженное космогоническое значение.

При сравнительном обзоре местных форм зооморфных украшений в Костромском Поволжье, прежде всего, обращает на себя внимание преобладание коньковых подвесок. Подвески в виде коня были популярны и, собственно, в славянской среде, в то время как изображения водоплавающей птицы не получили у славян широкого распространения, чего не скажешь о субстратном населении Костромского края. Образ вестника света – петуха, ярко выраженный в верованиях восточных славян, на территории исследуемого региона представлен подвесками IV и XVIII типов [13, с. 56; 8, с. 40–42, рис. 4.5; 10, с. 47, рис. 8.3–13].

Близость идеологических представлений разнотнических коллективов Костромской земли (особенно культа коня) обеспечила известную интернациональность отдельным сериям изображений на позднем этапе их существования. Данный факт определения субстратного характера костромского населения получил наиболее полную характеристику в работе Е.А. Рябинина «Костромское Поволжье в эпоху средневековья» [14], и согласившегося с ним, с определенной долей условности, А.Е. Леонтьева [10, с. 277–279].

Отражением важной роли коня и птицы в системе языческих верований явилось усиление их магического, защитного значения. В большинстве своем в северных районах Костромской области до сих пор фиксируются изображения коней и птиц на жилых постройках. Конские и птичьи головки вырезаются на нижних концах «куриц», поддерживающих крышу, и на наличниках окон [6, с. 67–104]¹. Изображения птиц, близкие по трактовке курганным подвескам-амулетам, обнаруженные на городских древнерусских браслетах и белокаменной резьбе Дмитриевского собора во Владимире, еще раз доказывают, что зооморфные амулеты, несмотря на их сильную финно-угорскую «окраску», не являлись полностью чужеродным элементом в культуре восточнославянского государства, а составляли ее заметную, специфическую, особенность.

Зооморфные подвески были принадлежностью женского костюма. В современном этнографическом материале их место прочно заняла вышивка. В основе этих архаических зооморфных орнаментов лежит все та же вера в магические защитные свойства священных животных и птиц.

В свете этнографических и фольклорных материалов раскрывается и идеологическая нагрузка средневековых подвесок-амулетов. Например, о близости культов коня и птицы в Костромском Поволжье свидетельствует особый вид орнаментации – волнистая линия (символ воды)², которая встречается здесь только на изображениях коньков (XX тип) [8, с. 49–50, рис. 10–11]. На это же указывает другой символ воды – лапчатые шумящие привески, прикреплявшиеся не только к птицевидным изображениям (тип IV–V), но и к амулетам в виде коньков (тип VII A) [8, с. 44–45, рис. 7.1–3]. Взаимосвязь образов коня и птицы обеспечила, в отдельных случаях, взаимопереход зооморфных сюжетов. Для Костромского Поволжья это переработка птицевидных фигурок III типа (вариант 1 A) в изображениях коней. Здесь же появляется особая форма «коней-птиц» (тип XIX) [8, с. 40, рис. 4], сочетающая в себе видовые особенности разных представителей животного мира.

При анализе семантики зооморфных изображений следует иметь в виду два пласта культовых языческих представлений, тесно связанных между собой. Первый из них уходит корнями в древние космогонические верования, отражает роль священных животных в культе Солнца, воды и в происхождении всего сущего на земле. Отпечатком таких представлений являются орнаментальные мотивы украшений. Вторая сторона идеологической нагрузки зооморфных подвесок, вытекающая из мифологической космогонической символики изображений, проявилась в придании им магических, защитных свойств, то есть в превращении магических культовых фигурок в обереги [13, с. 58–59].

На исследуемой территории еще долгое время сохранялись пережитки родовых отношений, но на смену им уже «шли» отношения феодального общества. Эта переходная эпоха хронологически соответствует золотоордынскому времени и отображается на идеологических представлениях местного населения [7, с. 317–320]. В них причудливо переплетались верования, характерные для эпохи разложения первобытнообщинного строя (почитание животных – «духов-покровителей»; вера в животного – «культурного героя», творца мира), и, возможно, проявились некоторые элементы зоолотрических культов – этой высшей формы почитания животных, свойственной классовым обществам.

Со временем меняется культовая нагрузка украшений вообще. В нашем случае амулеты-под-

вески приобретают магическую роль, а их связь с космогоническими представлениями оказалась опосредованной. Зооморфные украшения, получив отражение в ранних языческих верованиях, традиционно передававшиеся из поколения в поколение, дожили и до наших дней в вышивке, резьбе и металлическом литье.

Проанализированные в данной статье подвески-амулеты являются ценным археологическим источником, содержащим важную историко-культурную информацию о представлениях наших предков и в целом о самом средневековом населении Костромского Поволжья в составе древнерусских территорий. На основе сравнительного анализа выявлены местные (в подавляющем большинстве своем сельского производства) зооморфные украшения, установлена определенная территориальная целостность производившихся украшений, выявляющих определенные этнокультурные, политические и торговые связи Костромского Поволжья (в данном случае больше в лице сельских жителей) с определенными регионами.

Примечания

¹Изображение стилизованных зооморфных фигурок в традициях костромского домостроительства фиксируется и в настоящее время.

²Орнаментация подобных мотивов (линия или несколько параллельных волнистых линий) керамического комплекса, вообще, считается одним из основополагающих признаков определения славянской керамики этого времени.

Библиографический список

1. *Гальский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – Харьков, 1916. – Т. 1. – 308 с.
2. *Голубева Л.А.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья. – Советская археология. – 1966. – № 3. – С. 80–99.

3. *Горский А.Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. – М., 1960. – 263 с.

4. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 512 с.

5. *Иловайский Д.И.* История России. Ч. 2. – М., 1880. – 578 с.

6. *Кабатов С.А.* Сельские поселения Костромского Поволжья XIII–XVII вв. (по археологическим данным): дисс. ... канд. истор. наук. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2004.

7. *Кабатов С.А.* Этнокультурная история сельского населения Костромского края (до золотоордынского времени) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 1. – С. 317–320.

8. *Кабатов С.А.* Зооморфные украшения Костромского Поволжья // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 1. – С. 39–52.

9. *Кабатова Е.А.* Перун: генезис и эволюция культа. Дипломный проект. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. – 113 с.

10. *Леонтьев А.Е.* [Рецензия: Костромское Поволжье в эпоху средневековья] // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 277–280.

11. ПСРЛ. – СПб., 1851. – 281 с.

12. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – М.: София, Гелиос, 2002. Изд. 2-е, испр. – 592 с.

13. *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. – Вып. Е1–60. – Л., 1981. – 124 с.

14. *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л., 1986. – 318 с.

15. *Смирнов А.П.* (ред.) Материалы по истории мордвы VIII–IX вв. – Моршанск: Изд-е Моршанского краеведческого музея, 1952. – 232 с.

16. *Фаминцын А.С.* Божества древних славян. – СПб.: Алетея, 1995. – 368 с.

17. *Худяков М.Г.* Культ коня в Прикамье. – ИГАИМК. – 1933. – Вып. 100.